

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*
СПЕЦИАЛИСТ**

РЕЦЕНЗИЯ НА НОВУЮ КНИГУ ГЛЕБА МОРЕВА

МОРЕВ Г. А. ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ : ФРАГМЕНТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ВИОГРАФИИ (1920–1930-Е ГОДЫ). — М. : НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 2022.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-402-407.

Новая книга Глеба Морева (Морев, 2022)¹ — нечастый в любые времена пример умного и точного письма, не соединения, а целостности скрупулезного исследования и глубокого понимания изучаемой эпохи — когда внимание к самым вроде бы третьестепенным деталям не мельчит предмет, а придает ему объем. В книге сплетаются по меньшей мере четыре нити рассуждения:

- ◇ во-первых, история складывания посмертного образа Мандельштама и осмысления его поэтического движения — история, необходимая для занятия критической дистанции, для обретения возможности перейти от вопросов, каков генезис сложившихся устойчивых толкований, к пересмотру последних;
- ◇ во-вторых, рефлексия «литературного быта» и возникновение самого понятия в 1920-е (Эйхенбаум вводит его, концептуализировав, в 1927 г.: Эйхенбаум, 1929) как проблемы существования писателя в радикально изменившихся условиях, когда практически все прежние формы бытования оказываются невозможны;
- ◇ в-третьих, теперь уже использование эйхенбаумовской концепции «литературного быта» для понимания 1920–30-х и прежде всего биографии Мандельштама — здесь эта концепция из предмета анализа становится его инструментом;

*Тесля Андрей Александрович, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), mestr81@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2437-5002.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: Данное исследование было поддержано из средств программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» БФУ им. И. Канта.

¹Продолжающая и углубляющая целый ряд тем, затронутых в предыдущей: Морев, 2020.

- ◇ и, в-четвертых, собственно биография Мандельштама 2-й половины 1920–30-х годов — вне разделения на «жизнь и творчество», но с замечаниями к истолкованию стихов, служащими лишь набросками путей к дальнейшей работе.

Хорошо известно в общих чертах — хотя детальная монографическая разработка еще предстоит, — насколько существенно Н. Я. Мандельштам стремилась определить основные линии интерпретации биографии и творчества О. Э. и насколько исследования Мандельштама 1970–90-х, а отчасти и последующие оказываются определены предложенными ею трактовками, логикой введения тех или иных текстов в оборот или принятием мер по противодействию нежелательным, с ее точки зрения, прочтениям². Успех и сила созданного ею понимания Мандельштама связаны, как справедливо замечает Морев, не только с литературными достоинствами ее прозы — одной из вершин русской мемуаристики XX века — и с ее искусной стратегией и тактикой литературной политики, но и во многом, если не в первую очередь, с тем, что создаваемый ею образ соответствовал запросу, нужде в поэте, который оказывается чуждым сталинскому порядку — пребывает в нем чужаком.

Погружение в контекст предсказуемым образом корректирует картину, но в случае исследования Морева речь идет не о частной коррекции, а об изменении самого образа (а не оценок): на смену чуждости приходит сложная динамика — поиски ответа на вопрос, как быть и кем быть.

Радикальная трансформация условий существования литературы и писателей после 1917 г. с некоторым возвращением к «нормальности» (то есть с восстановлением ряда прежних форм литературного быта) в условиях НЭПа и затем уже наступление совершенно отличных от дореволюционных реалий на рубеже 1920–30-х годов — все это делало неизбежным вопрос о том, как быть в литературе и возможно ли в ней (или в том, что пришло ей на смену) быть. Поступок Тинякова, «сознательно превратившегося в 1926 году из профессионального литератора в профессионального нищего» (Морев, 2022), оказывается, по формулировке Морева, «буквальным воплощением темы перемены статуса». Примечательно, что автор связывает его с известным обращением В. В. Розанова в №6–7 «Апокалипсиса нашего времени» (1918) с просьбой о милостыни, определяемой как первое такого рода печатное обращение писателя. Другие будут искать иные варианты, но вопросом,

²Наиболее авторитетное на данный момент издание: Мандельштам, 2014.

который будет неизменным, остается следующий: насколько возможно здесь оставаться писателем (как для Андрея Белого, «служащего» в 1918–20 гг., но не понимающего, как совместить службу в советском учреждении с писательством)?

Для Мандельштама в 1920-х речь идет об обращении к «литературе» в смысле, приобретшем распространение в те годы, — к поденческому литературному труду, работой над переводами и редактурами (и одновременной заботе о высокой оценке своих стихотворений — в буквальном, гонорарном отношении как подтверждении своего поэтического статуса). После «дела Уленшигеля» — литературного скандала вокруг перевода романа Шарля де Костера, где переводчиком по ошибке был указан Мандельштам, отредактировавший старый перевод Горнфельда, — следует сближение с РАППом и Авербахом и через первоначальный ход с утверждением профессионализма переводов, фабричным/индустриальным пафосом и т. д. — уход в противоположное, в решимость быть именно и только поэтом.

Обращение к гражданским стихам в первой фазе, 1931–1933 гг., в том числе и порождение близости с комсомольскими организациями, РАППом, переживание и ужасов коллективизации, виденных им в Крыму и по пути туда и оттуда. Антисталинский пафос здесь и стремление попасть в созвучие с комсомольцами (быть поэтом многих), с теми оппозиционными настроениями, которые ширились в советской среде в ситуации провала первой пятилетки.

Центральный эпизод книги — реконструкция Моревым смысла знаменитой сталинской резолюции на письме Бухарина в защиту арестованного Мандельштама, звонок Сталина Пастернаку и последующая интерпретация вмешательства вождя в свою судьбу Мандельштамом.

Морев, на наш взгляд, убедительно демонстрирует, что Сталин реагирует на сообщение Бухарина как на нарушение ОГПУ установленного еще решением 1931 г. обязательного порядка согласования арестов специалистов. В сталинском контексте речь идет об аресте накануне Первого съезда писателей одного из «мастеров литературы» (этим и обусловлен вопрос Сталина Пастернаку в телефонном разговоре, на который он, в сущности, получает удовлетворительный, подтверждающий информацию из письма Бухарина ответ). О Мандельштаме Сталин если и знал до этого, то вряд ли связывал с ним какие-то конкретные представления. И, что важнее всего, почти наверняка можно утверждать, что он не знал и никогда не узнал об эпиграмме Мандельштама

на него: арест Мандельштама, о котором Агранов не успел вовремя уведомить Сталина и который был вызван антисталинскими настроениями поэта 1931–34 гг., предполагал информирование об основаниях в самой общей форме (см.: Морев, 2022: 41 и сл.). Однако вступление в дело Бухарина и моментальная реакция Сталина, возмущенного нарушением ОГПУ прерогатив партийного руководства, привели к быстрой перемене в приговоре, заменой на административную ссылку с выбором города по своему усмотрению (за исключением двенадцати).

Это сцепление событий имело многообразные последствия. Прежде всего, Мандельштам воспринял их не только как особое внимание к себе, но и как результат прочтения Сталиным эпиграммы, воздействия поэзии. Он оказывается своего рода «пленником» Сталина — плененным его милостью, которая, в свою очередь, стала результатом, как он думает, прочтения эпиграммы. Если Сталин оказался способен отозваться на нее так, то какое воздействие могут тогда иметь другие стихи? Теперь он стремится в Союз Советских Писателей («наркомат литературы», учрежденный в 1934), чтобы получить признание в новой системе.

С другой стороны, в то время как Мандельштам не рвется вернуться в «литературу» в понимании 1920-х, а хочет вернуться именно как поэт, этому препятствует в том числе и сталинское решение, и статус, который он приобрел в середине 1930-х. Сталинская реакция — в числе мер «оттепели», прагматической перемены к «старым специалистам», которых нужно использовать, в восприятии их, в том числе и писателей, именно как «мастеров» — тех, кто имеет выучку, знает приемы, недоступные молодому призыву. Чтобы получить то, к чему он стремится, Мандельштаму нужно изменить свой статус, быть признанным как «писатель», «поэт», но произвести эту перемену (которая позволила бы публиковать стихи, выпустить книгу) ни воронежское начальство, ни литературное начальство в Москве не в силах: его место определено резолюцией сверху, и, чтобы его пересмотреть, нужно другое решение оттуда же, но его никак нельзя получить, поскольку нет тех, одновременно и близких к Сталину, и симпатизирующих Мандельштаму людей, которые могли бы поднять этот вопрос.

Книга Морева оказывается и глубоким разбирательством с интеллигентской мифологией, нашедшей свое яркое выражение, например, в книгах Бенедикта Сарнова: культурная иерархия, последующие (или внутренние) представления о значимости тех или иных авторов и восприятие действий власти как во многом персонализированного, обращенного к «другому», распознанному и признанному, возможность диалога

со Сталиным/«Сталиным» или «вождями» (которой был проникнут, насколько можно судить, Мандельштам в последние годы жизни) — все это наталкивается на действия властей, подчиненных почти принципиально другим логикам. Идея о том, что поэтические ходы, тонкие перемены и созвучия будут услышаны и оценены «там», предполагает адресата, которого в принципе не существует. Как милость 1934 г., так и оказавшийся казнью приговор 1938 г. не имеют, по крайней мере с вершины власти, никакого личного измерения. Все сложные переживания и внутренние перемены Мандельштама 1934–37 гг. — там, где он ищет своего признания, где признает существующее и создает политико-лирические «Стансы», последнее из известных стихотворений, — не имеют вовне, в системе как литературной власти, так и политической, инстанции, способной ответить. Поскольку до вершины власти «вопрос о Мандельштаме» не может подняться, а на уровне литературных властей нет возможности изменить его статус, литературного «спеца», «старого мастера», следовательно, не допустили к прямому высказыванию и вынудили служить по «технической части» — писать рецензии, обзоры и т. п. Это сложный разговор, который на деле необязательно оказывается монологом, но никак не может иметь того адресата, которого предполагает автор.

ЛИТЕРАТУРА

- Мандельштам О. Э.* Сочинения : в 2 т. / под ред. С. В. Василенко, П. М. Нерлера, Ю. Л. Фрейдин. — Екатеринбург : Гонзо, 2014.
- Морев Г. А.* Поэт и Царь : из истории русской культурной мифологии (Мандельштам, Пастернак, Бродский). — М. : Новое издательство, 2020.
- Морев Г. А.* Осип Мандельштам : фрагменты литературной биографии (1920–1930-е годы). — М. : Новое издательство, 2022.
- Эйхенбаум Б. М.* Мой современник. — Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1929.

Teslya, A. A. 2022. “Spetsialist [The Specialist]: retsenziya na novuyu knigu Gleba Moreva [Review of a New Book by Gleb Morev]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (1), 402–407.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY

SENIOR RESEARCH FELLOW, SCIENTIFIC DIRECTOR RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT
INSTITUTE FOR HUMANITIES, IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY (KALININGRAD, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-2437-5002

THE SPECIALIST

REVIEW OF A NEW BOOK BY GLEB MOREV

MOREV, G. A. 2022. *OSIP MANDEL'SHTAM [OSIP MANDELSTAM]: FRAGMENTY LITERATURNAY BIOGRAFI (1920–1930-YE GODY)* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: NOVOYE IZDATEL'STVO

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-1-402-407.

REFERENCES

- Eykhenbaum, B. M. 1929. *Moy vremennik [My Chronicle]* [in Russian]. Leningrad: Izd-vo pisateley v Leningrade.
- Mandel'shtam, O. E. 2014. *Sochineniya [Works]* [in Russian]. Ed. by S. V. Vasilenko, P. Nerler, and Yu. L. Freydin. 2 vols. Yekaterinburg: Gonzo.
- Morev, G. A. 2020. *Poet i Tsar' [Poet and Tsar]: iz istorii russkoy kul'turnoy mifologii (Mandel'shtam, Pasternak, Brodskiy) [From the History of Russian Cultural Mythology (Mandelstam, Pasternak, Brodsky)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye izdatel'stvo.
- . 2022. *Osip Mandel'shtam [Osip Mandelstam]: fragmenty literaturnoy biografii (1920–1930-ye gody)* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye izdatel'stvo.